

БОРЬБА ЗА ПОЛЬСКУЮ КОРОНУ

В 1572 г. умер польский король Сигизмунд II Август, и в Речи Посполитой наступил длительный период бескорольевья.

Московская дипломатия пыталась повлиять на ход избирательной борьбы в Польше. Часть шляхты выступила за избрание на польский трон Ивана IV. Шляхта противилась всевластию магнатов и рассчитывала, что избрание царя поможет ей в ее соперничестве со знатью.

Литовская знать желала видеть на королевстве не самого Грозного, а его недееспособного сына Федора. Она надеялась, что царь пойдет на территориальные уступки и вернет Литве Полоцк и Смоленск, что приведет к длительному миру на литовской границе. Но самодержец отклонил предложения литовцев. «Королевство мне не новина, — заявил он послам. — Сын мой молод и государство ему справиться не мочно».

Поглощенный борьбой с внутренними трудностями, Иван IV опасался умножить их польскими делами.

При Сигизмунде II королевская власть находилась в самом жалком положении. Финансы пришли в расстройство, буйное «рыцарство» диктовало королю свои условия. Царь Иван был прекрасно осведомлен об этом. «...Наших великих государей волное царское самодержжество, не как ваше убогое королевство... — писали под диктовку Ивана его бояре в послании Сигизмунду II, — что (ты) еси посаженной государь, а не вотчинной, как тебя захотели паны, так тебе в жалованье государство и дали...»

После смерти Сигизмунда II московский государь столкнулся с неразрешимым противоречием. Он домогался присо-

единения владений польской короны, но не желал быть «выборным» королем, испытывая глубочайшее пренебрежение к выборной власти. Он вел дело крайне неудачно, терял время, пытался диктовать шляхетству свои условия.

Польская и литовская шляхта считала право участия в выборах короля одной из главнейших шляхетских вольностей. Но именно это право было неприемлемо для самодержца. В 1564 г. в письме Курбскому он писал: «А о безбожных языцех, что и глаголат! Неже те все царствию своими не владеют: как им повелят работные их, так и владеют». В глазах православного царя его власть не могла быть иной, кроме как наследственной и неограниченной. Соглашаясь принять корону из рук польских сословий, Грозный требовал себе и своим потомкам наследственной власти, что было неприемлемо даже для его сторонников среди шляхты и знати.

Царь имел полную информацию о польских порядках, и его не покидали сомнения и тайный страх при мысли о необходимости строить отношения с новыми подданными на новых принципах. Самодержавные устремления были не к месту там, где порядок опирался на шляхетские вольности. Покушение на эти вольности неизбежно привело бы к раздору. Опричнина в Польше не имела никаких шансов на успех.

Иван IV не мог скрыть своих опасений от польских дипломатов. Отпустив Гарабурду, он отправил вслед ему дополнительные условия своего избрания на королевский трон: если «по грехом для которого случая учиниться какой мятеж промеж государем и землею» (Польшей), паны обязуются отпустить его в Россию «без всякого задержания».

Шаги монарха, весьма мало соответствовавшие культуре и политическим традициям шляхетской «республики», свели его шансы на избрание к нулю.

Главными претендентами на польскую корону выступили австрийские Габсбурги и французские Валуа. Литовские дипломаты заботились о том, чтобы предотвратить военное вторжение с востока в период междуцарствия. Они держали царя в неведении относительно избирательного сейма, созданного на

поле под Варшавой в апреле 1573 г. Русские послы не были приглашены в Варшаву. На сейме победу одержал принц Генрих Анжуйский, коронованный польской короной в 1574 г. Французский претендент согласился подписать с сословиями Речи Посполитой договор — *tracta conventa*. Так называемые «Генриковские артикулы» определяли условия, на которых вновь избранный король будет управлять государством.

Тщетно Иван IV грозил Литве нашествием. Военная партия в Польше сама готовилась к возобновлению войны из-за Ливонии. Франция обязалась помочь Польше флотом и войсками в войне с Россией.

Русское государство нуждалось в союзниках и в течение многих лет хлопотало о заключении военного союза с Англией. Брак царя с английской принцессой должен был закрепить такой союз.

Грозный не одобрял английского абсолютизма. Королева Елизавета I в глазах царя не была «вотчинной» (прирожденной) королевой, поскольку она получила трон из рук «людей» — своих подданных. «Филипа короля шпанского, — писал Иван IV Елизавете, — аглинские люди с королевства послали, а тебя учинили на королевстве».

Неудачные переговоры о заключении союза 1570 г. побудили Грозного высказать свой взгляд на причины провала, которые коренились в недостатке власти у выборной королевы. «И мы чаяли того, — выговаривал самодержец своей «сестре», — что ты на своем государстве государыня и сама владеешь... ажно у тебя мимо тебя люди владеют, не токмо люди, но и мужики торговые, и о наших государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков».

Парламентский строй Англии был в глазах государя достоин еще большего порицания, чем строй Речи Посполитой. В Польше делами распоряжались паны — шляхта и вельможи, в Английском королевстве — не одни дворяне («люди»), но и торговые мужики.

Характерное для Грозного понятие «прибыльность» употреблялось в письме королеве в том же значении, что и в цар-

ском завещании. Оно включало заботу о «государских головах, чести и землях», то есть идею государственной пользы. Торговые прибыли имели в глазах Ивана второстепенное значение по сравнению с царскими.

Генрих Анжуйский недолго побыл на польском троне. В июне 1574 г. он тайно покинул Краков и бежал в Париж. Польше предстояли выборы нового короля. Сторонники Грозного из числа шляхты прислали в Москву посланца Кшиштофа Граевского.

Самодержец должен был смягчить свою позицию по поводу принципа выборности монарха сословиями. Он согласился с тем, что шляхта будет свободно выбирать короля, но, во-первых, в выборах будет участвовать наряду с польским и литовским также русское дворянство, и, во-вторых, сословия должны были «свободно и единодушно» избрать на трон одного из наследников царя. Иван предполагал объединить Россию, Польшу и Литву в единое государство, которое составило бы ядро антитурецкой лиги.

Весной 1575 г. съезд шляхты в Стенжице приступил к обсуждению вопроса об избрании короля. Австрийские Габсбурги, преданные католицизму, имели многочисленных и влиятельных сторонников среди польской знати. Голоса шляхты разделились. Сторонники царя тайно виделись с русским гонцом Елчаниновым и объявили ему, что желают видеть «на государстве московского государя». Они пытались подсказать Ивану IV, как надо ему действовать, чтобы получить корону. Елчанинов получил от них образец послания, с которым Грозному надлежало обратиться к «рыцтерству». Самодержец, значилось в грамоте, хочет быть для польской шляхты «не так паном, але рыцтерским людем, как братом».

Грозный никогда бы не согласился признать своими братьями даже высокородных магнатов, а тем более мелкую шляхту. Он отказался внять совету своих сторонников в Польше и не спешил направить на сейм «великих послов». Претендент на корону колебался и медлил. Еще в 1574 г. Максимилиан II предложил царю разделить Речь Посполитую между Россией

и Австрией. Такие планы как нельзя лучше отвечали намерениям Грозного. В том же 1574 г. он уведомил императора: «А наше хотень ето, чтоб... Литовское бы Великое княжество и с Киевом и что к нему города, были к нашему государству Московскому». Самодержец не надеялся справиться с буйной польской шляхтой и своевольными магнатами. Но подчинение Литвы с Украиной и Белоруссией всецело отвечало его истинным намерениям.

Между тем избирательная борьба достигла критической точки. Магнаты поддерживали кандидатуру императора Максимилиана II, шляхта — Стефана Батория, семиградского воеводу, вассала Османской империи. По донесению русских гонцов, на избирательном поле шляхта подняла пальбу из самопалов и стала стрелять из луков, чтобы устроить панику. Магнаты укрылись в крепости, опасаясь убийств. В конце концов они объявили об избрании Максимилиана II. Однако сторонникам трансильванского воеводы Стефана удалось занять Краков и захватить королевские регалии. Брак Стефана с сестрой Сигизмунда II Ягеллона давал ему известные права на корону.

Максимилиан II подумывал о том, чтобы двинуть свои войска в Польшу. Но в 1576 г. он скоропостижно умер.

Царь рассматривал Австрию как союзника в войне с Османской империей и Крымом. Избрание Максимилиана отвечало его политическим расчетам. Но попытки России заключить тесный союз с Веней для военных действий против Речи Посполитой не увенчались успехом.

В конце Ливонской войны двумя самыми грозными противниками России были Речь Посполитая и Швеция. Столкновение их интересов в Ливонии, казалось бы, исключало польско-шведский союз. Но угроза военного сотрудничества поляков и шведов реально существовала. Недооценивая опасность, Иван IV считал возможным писать своим недругам высокомерные послания, исключавшие какие бы то ни было мирные шаги.

Свою власть прирожденного государя Иван IV противопоставлял убогой власти выборных королей. К королю Стефану Баторию он обращался с такими укоризненными слова-

ми: «Тебя... обрали народи и станы (сословия) королевства Полскаго, да посадили тебя на те государства устраивати их, а не владети ими. А они люди по всей своей поволности, а ты им на маистате всеи земли присягаешь».

Когда Баторий прислал в Москву послов, Грозный спрашивал их о здоровье короля сидя, не звал к столу. Царь не желал называть короля «братом» и считал, что семиградский князь — ровня его боярам Мстиславским и Трубецким. Брак с Ягеллонкой нисколько не менял дела, «так как сестра королева государству не отчич».

Послание Грозного к шведскому королю Юхану III (1573) пронизано было чувством превосходства «дородного» государя над выходцем из «мужичьего» роду. Отец Юхана III был в глазах царя узурпатором. Когда законный государь Кристиан II лишился трона из-за мятежа, Густав Ваза, отец Юхана III, «пригнался из Шмолант с коровами», которых пас в своем имении. Так он занял трон, ему не принадлежавший. Договор с Россией Ваза заключал вместе с «советниками королевства Свейского». Сословия его королевства представлял архиепископ Упсалы. «А послы, — обличал самодержец Юхана III, — не от одного отца твоего, от всего королевства Свейского, отец твой у них в головах, кабы староста у волости». Власть узурпатора низкого происхождения не могла быть от Бога. В глазах самодержца она имела ту же природу, что и власть старосты над мужицкой волостью. Густав Ваза внушал пренебрежение великому государю еще и тем, что не брезговал купеческими делами. Когда приезжали из России торговые люди с российским товаром — салом и воском, то король «сам, в рукавицы нарядясь, сала и воску за простого человека в место опытом пытал и пересматривал на судех». Такое поведение представлялось царю недостойным. «Коли бы отец твой не был мужичей сын, и он бы так не делал», — писал Иван Юхану III.

Оскорбительные обращения самодержца к окрестным государям немало способствовали полной международной изоляции России, в известной мере обусловившей исход Ливонской войны.